

Наука и Анархия

Эррико Малатеста

1 июля 1925

Эррико Малатеста
Наука и Анархия
1 июля 1925

Pensiero e Volontà №8

ru.anarchistlibraries.net

Так называемая «мелкая буржуазия», та, «что учится и мыслит» за последние полвека итальянской жизни, – хотя и не освободившись полностью от своей старой привычки, которая держит её настороже перед народными движениями, – поняла обновление коллективного умонастроения и то, что старое уже невозможно было бы подогревать на старом масле метафизики, и что нужно обновляться и смотреть оком физиолога на исторические истины, чтобы не оставаться позади, дремля над старыми книгами. И так, на основе опытов учёных-естествоиспытателей XIX века, они принялись за изучение новых проблем с результатами, которые отнюдь не представляют собой тщетной попытки, каковы: «La Rivoluzione» Феррари и «Il Naturalismo» Бовио; последняя работа, если и не вполне оригинальна, есть вполне удачное исследование натуралистической системы, положенной современной наукой.

И с этой точки зрения наука может и должна нас интересовать, поскольку она охватывает изучение тех проблем, которые связаны с общественным развитием.

В самом деле, Кропоткин, обладавший самым сложным гением анархической идеи, на вопрос, который он сам ставит в своей «Современной науке и анархии»: «Какое положение занимает анархия в великом умственном движении XIX-го века», – отвечает:

«Анархия есть мирозерцание, основанное на механическом понимании явлений, охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ. Ее метод исследования – метод естественных наук; этим методом должно быть проверено каждое научное положение. Её тенденция – основать синтетическую философию, то есть философию, которая охватывала бы все явления природы, включая сюда и жизнь человеческих обществ и их экономические, политические, нравственные вопросы, но не впадая, однако, в ошибки, сделанные Контom и Спенсером вследствие вышеуказанных причин».

И мы полагаем, что эти исследования способствовали познанию человеческой проблемы и облегчили нашу идеальную концепцию и не могут быть исключены из нашего понимания.

Но ради Бога, пусть не смешивают великих работников мысли с интеллектуалистами, которые возвышаются до сверхкритиков только потому, что могут похвастаться университетским дипломом и настроить три колонки писанины, чтобы изрекать ереси по великим вопросам, которые составляют предмет изучения, борьбы и жертвы поколений, – чтобы сказать, что у анархии нет своей собственной философии.

Мы признаём полезность науки – которая не есть мнимая наука сточной канавы некоторых газетчиков.

НИНО НАПОЛИТАНО

Определение Анархии, которое даёт Кропоткин и которое Наполитано приводит как нечто, не нуждающееся даже в обсуждении, хотя и принятое с малым критическим духом многими анархистами из-за великого и заслуженного престижа автора и его согласия с научными и философскими идеями, господствовавшими, когда анархизм начал распространяться, – представляется мне ошибочным и вредным: ошибочным, потому что оно смешивает вещи различной природы; вредным, потому что оно вынуждает даже тех анархистов, которые его принимают, барахтаться в тех противоречиях, которые подрывают рассуждения всех, или почти всех, мыслителей позитивистских и натуралистических школ, когда они занимаются вопросами морали.

Кропоткин в своей попытке определить *«положение учения об анархии в современной науке»* находит, что *«Анархия есть мирозерцание, основанное на механическом понимании явлений, охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ»*.

Это – философия, приемлемая или нет, но, несомненно, это не наука и не Анархия.

Наука есть собрание и систематизация того, что известно, или что считается известным: она говорит о фактах и пытается открыть закон факта, то есть условия, при которых факт необходимо происходит и повторяется. Она удовлетворяет определённые интеллектуальные потребности и в то же время является действенным инструментом могущества. Указывая в естественных законах предел человеческого произволу, она увеличивает действительную свободу человека, давая ему возможность обращать эти законы в свою пользу. Она одинакова для всех и служит безразлично как для добра, так и для зла, как для освобождения, так и для угнетения.

Философия может быть гипотетическим объяснением того, что известно, или попыткой угадать то, что неизвестно. Она ставит проблемы, ускользающие, по крайней мере до сих пор, от компетенции науки, и воображает решения, которые, поскольку при текущем состоянии знаний они не поддаются проверке, варьируются и противоречат друг другу от философа к философу. Она, когда не становится игрой слов и феноменом иллюзии, может быть стимулом и руководством для науки, но она не есть наука.

Анархия же есть человеческое стремление, которое не основано ни на какой действительной или предполагаемой естественной необходимости и которое может осуществиться или не осуществиться в зависимости от человеческой воли. Она пользуется средствами, которые наука предоставляет человеку в борьбе против природы и против противоборствующих волей; она может пользоваться достижениями философской мысли, когда они служат тому, чтобы научить людей лучше рассуждать и лучше отличать реальное от фантастического; но она не может быть смешана, без впадения в абсурд, ни с наукой, ни с какой-либо философской системой.

Но посмотрим, действительно ли «механическое мирозерцание» объясняет известные факты.

Затем мы увидим, может ли она хотя бы примириться, логически сосуществовать с анархизмом или, собственно, с любым стремлением к состоянию вещей, отличному от существующего.

Основной принцип механики – сохранение энергии: ничто не создаётся и ничто не уничтожается.

Одно тело не может передать тепло другому, не охладившись настолько же; одна форма энергии не может превратиться в другую (движение в тепло, тепло в электричество

Философские системы бесчисленны и, как всё, что не имеет положительной основы, следуют также моде. К концу прошлого века была мода на материализм, сегодня мода на идеализм, завтра – кто знает, что ещё изобретут господа философы.

Должны ли были бы, следовательно, те, кто, как Кропоткин, ради Анархии идёт на преследования и мученичество, те, кто анархисты потому, что любят и страдают и встают против несправедливости и угнетения, ждать, пока учёные и философы действительно объяснят эту необъятную тайну, которой является вселенная?

Можно быть анархистом при любой философской системе, которую предпочитаешь. Есть анархисты-материалисты, как есть и спиритуалисты, есть монасты и плюралисты, есть агностики и есть такие, как я, которые, ничего не предвещая о возможных будущих развитиях человеческого ума, предпочитают просто объявить себя невеждами.

Конечно, непонятно, как можно примирить некоторые теории с практикой жизни.

Механистическая теория, как и теистическая и пантеистическая, логически вела бы к безразличию и бездействию, к рабскому принятию всего, что есть, как в моральной, так и в материальной области.

Но, к счастью, философские концепции оказывают малое или никакое влияние на поведение.

И материалисты, и «механицисты», вопреки логике, часто жертвуют собой ради идеала. Как, впрочем, делают и верующие, которые верят в вечное счастье рая, но думают о том, как чувствовать себя хорошо в этом мире, а когда болеют, боятся умереть и зовут врача. Как и бедная мать, потерявшая сына: она верит, что может быть уверена, что её ребёнок стал ангелом и ждёт её в раю... но тем не менее плачет и отчаивается.

или наоборот и так далее) без того, чтобы то, что приобретает одним способом, не терялось другим. Словом, во всей физической природе происходит тот же вульгарнейший факт: если у одного есть десять монет и он тратит пять, у него остаётся только пять, ни больше, ни меньше.

Напротив, если у одного есть идея, он может сообщить её миллиону людей, не потеряв при этом ничего, и чем больше идея распространяется, тем больше она приобретает силу и действенность. Учитель передаёт другим то, что знает, и не становится от этого менее знающим; напротив, обучая, он лучше усваивает и обогащает свой ум. Если свинцовая пуля, выпущенная рукой убийцы, обрывает жизнь гениального человека, наука сможет объяснить, чем становятся все материальные элементы, все физические энергии, существовавшие в убитом, когда он был жив, и доказать, что после того, как труп разложился, он не может собраться в прежнюю форму, но что в то же время ничего не потеряно материально, ибо каждый атом того тела обнаруживается со всеми своими энергиями в других формах. Но идеи, которые этот гений бросил в мир, изобретения, которые он сделал, остаются и распространяются и могут стать огромной силой; тогда как, с другой стороны, те идеи, которые ещё вызревали в нём и которые развились бы, если бы он не был убит, потеряны и больше не восстановимы.

Может ли механика объяснить эту силу, это специфическое качество продуктов мысли?

Не просите меня, ради Бога, объяснить самому иным способом тот факт, который механика не в состоянии объяснить.

Я не философ; но не нужно быть философом, чтобы видеть некоторые проблемы, которые более или менее терзают все мыслящие умы. И неумение решить проблему не обязывает человека принимать решения, которые его

не удовлетворяют... тем более что решения, предлагаемые философами, столь многочисленны и противоречат друг другу.

А теперь посмотрим, совместим ли «механицизм» с анархизмом.

В механической концепции (как, впрочем, и в теистической) всё необходимо, всё фатально, ничто не может быть иным, чем оно есть.

В самом деле, если ничто не создаётся и ничто не уничтожается, если материя и энергия (чем бы они ни были) суть фиксированные количества, подчинённые механическим законам, то все явления связаны незыблемым образом.

Кропоткин говорит: *«И так как человек есть часть природы, а его личная и общественная жизнь есть так же явление природы, как и рост цветка или развитие общественной жизни у муравьев и пчел, то нет основания, переходя от цветка к человеку или от поселения бобров к человеческому городу, оставлять метод, который до сих пор так хорошо служил нам, и искать другой в арсенале метафизики»*. И уже великий математик Лаплас в конце восемнадцатого века сказал: «Если даны силы, которыми одушевлена природа, и взаимное положение существ, её составляющих, то достаточно обширный ум знал бы прошлое и будущее так же хорошо, как настоящее».

Это – чистая механическая концепция: всё, что было, должно было быть, всё, что есть, должно быть, всё, что будет, должно быть необходимо, фатально, во всех мельчайших подробностях положения и движения, интенсивности и скорости.

В такой концепции какое значение могут иметь слова «воля, свобода, ответственность»? И чему служили бы воспитание, пропаганда, бунт? Разве можно изменить predetermined ход человеческих событий, как нельзя изменить курс светил или «рост цветка»? И тогда?

При чём тут анархия?

Среди анархистов были в ходу заявления, которые один французский товарищ (Этьеван) произнёс в свою защиту перед Парижским судом. Он мог бы ограничиться критикой общества, доказать, что если он и совершил преступление, то был к нему побуждён, вынужден обстоятельствами, и что наибольшая ответственность лежит на других, а не на нём. Но наш бедный товарищ, который позже пал жертвой полицейской жестокости, был пропитан философией и захотел доказать, как добрый детерминист, что его нельзя объявить ответственным и наказать, ибо он не был свободным агентом, так как всё в природе необходимо и predetermined.

Судья с дурным сердцем, но живым умом мог бы ему ответить: «Вы правы, я не могу справедливо наказать вас и даже упрекнуть вас по причинам, которые вы так хорошо изложили; но по тем же причинам не ответствен священник, который вас обманул, хозяин, который вас морил голодом, полицейский, который вас пытал, – и не ответствен я, который отправляю вас на каторгу или на гильотину. Всё, что происходит, должно происходить».

Ещё раз: при чём тут анархия во всём этом?